

DOI 10.15393/j9.art.2016.3521

УДК 821.161.1.09“18“

Игорь Алексеевич Виноградов*Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
(Москва, Российская Федерация)*

info@imli.ru

«ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ ОДА»**ГОГОЛЬ О СТИХОТВОРЕНИИ ПУШКИНА «К Н***»**

Аннотация. Тщательное изучение автографов классика, новые открытия, несомненно, всегда способствуют более глубокому пониманию классического наследия. Однако порой случается так, что удачные наблюдения делают ученых-текстологов не только более проникательными, но и более самоуверенными в своих выводах. Это в значительной мере относится к истории изучения пушкинского стихотворения, опубликованного после смерти поэта под названием «К Н***» («С Гомером долго ты беседовал один...»). Переводчик «Илиады» Николай Гнедич или император Николай I — кто из двоих был адресатом этого произведения? Гоголь настаивал на высоком, «прообразовательном» смысле пушкинского стихотворения. Благодаря позднейшим разысканиям текстологов удалось найти следы, указывающие на более близкие «гнедичевские» корни. Кто прав? Оказывается, что истина где-то посередине и что в постижении поэзии Пушкина гиперкритицизм, как и во многих других областях, может служить препятствием к пониманию сложного характера изучаемого явления. В статье детально изучена проблема адресатов и жанровой принадлежности стихотворения Пушкина, прослежена история происхождения двух разных свидетельств Гоголя об этом произведении.

Ключевые слова: биография, художественное творчество, мировоззрение, интерпретация, текстология, жанр, духовное наследие

Одной из важных проблем, касающихся наследия Пушкина и Гоголя, является вопрос об адресате пушкинского стихотворения «К Н***» («С Гомером долго ты беседовал один...», 1832–1834) (см.: [9, т. 3, 522; т. 4, 263]). На то, что это произведение адресовано Н. И. Гнедичу — переводчику «Илиады» — указывали Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, С. П. Шевырев. Позднее это мнение было поддержано целым рядом ученых, привлечших к изучению неизвестные современникам черновые автографы поэта (см.: [12, 140–148]; [8, 461–464]; [1, 179–213];

[10, 213–221]; [2, 65–72]; [7, 19–29]). Представители этой точки зрения резонно относили стихотворение к жанру послания.

Согласно другому мнению, стихи были посвящены Пушкиным императору Николаю I. Такую точку зрения высказывал — опять-таки — Гоголь; кроме него — А. О. Смирнова (урожд. Россет), П. А. Плетнев, А. А. Фет. Этот взгляд естественно предполагал иную жанровую принадлежность произведения. Как стихотворение, обращенное к монарху, это, несомненно, — ода. Мнение о том, что стихотворение «К Н***» адресовано императору, в свою очередь, было поддержано, хотя с существенным уточнением. Содержание пушкинских автографов привело исследователей к заключению, что, возможно, поэт имел в виду сразу двух лиц — императора Николая и Николая Гнедича (см.: [3, 170–176]; [11, 110–115]; [5, 259–273]; [4, 75–79]).

Обстоятельства возникновения разноречивых толкований стихотворения Пушкина до конца не изучены. Прежде всего это относится к истории происхождения двух разных свидетельств Гоголя. Одно из них содержится в его известной книге «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). В статье «О лиризме наших поэтов», адресованной В. А. Жуковскому, он писал:

Как метко выражался Пушкин! Как понимал он значение великих истин! Это внутреннее существо — силу самодержавного монарха он даже отчасти выразил в одном своем стихотворении, которое между прочим ты сам напечатал в посмертном собрании его сочинений (с названием «К Н***»¹. — *И. В.*), выправил даже в нем стих, а смысла не угадал. Тайну его теперь открою. Я говорю об оде императору Николаю, появившейся в печати под скромным именем: «К Н***». Вот ее происхождение. Был вечер в Аничковом дворце, один из тех вечеров, к которым, как известно, приглашались одни избранные из нашего общества. Между ними был тогда и Пушкин. Все в залах уже собралось; но государь долго не выходил. Отдалившись от всех в другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей от дел минутой, он развернул «Илиаду» и увлекся нечувствительно ее чтением во все то время, когда в залах давно уже гремела музыка и кипели танцы. Сошел он на бал уже

несколько поздно, принеся на лице своем следы иных впечатлений. Сближение этих двух противоположностей скользнуло незамеченным для всех, но в душе Пушкина оно оставило сильное впечатленье, и плодом его была следующая величественная ода, которую повторю здесь всю, она же вся в одной строфе:

С Гомером долго ты беседовал один,
 Тебя мы долго ожидали.
 И светел ты сошел с таинственных вершин
 И вынес нам свои скрижали.
 И что ж? Ты нас обрел в пустыне под шатром,
 В безумстве суетного пира,
 Поющих буйну песнь и скачущих кругом
 От нас созданного кумира.
 Смугились мы, твоих чуждаяся лучей.
 В порыве гнева и печали
 Ты проклял нас, бессмысленных детей,
 Разбив листы своей скрижали.
 Нет, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
 Сходить под тень долины малой,
 Ты любишь гром небес, и также внемлешь ты
 Журчанью пчел над розой алой².

«Оставим личность императора Николая, — продолжал Гоголь, — и разберем, что такое монарх вообще, как Божий помазанник, обязанный стремить вверенный ему народ к тому свету, в котором обитает Бог, и вправе ли был Пушкин уподобить его древнему Боговидцу Моисею?» (VI, 44).

В прижизненном издании «Выбранных мест...» близкий приятель Белинского цензор А. В. Никитенко почти полностью исключил этот фрагмент, оставив лишь две начальные фразы и заключительный абзац. В этом абзаце к словам: «...вправе ли был Пушкин уподобить его...», — он сделал примечание: «В стихотворении, начинающемся: *С Гомером долго ты беседовал один; / Тебя мы долго ожидали* — и проч.»³.

Шевырев, прочитав в книге эти строки, 30 января 1847 года писал Гоголю: «Как мог ты сделать ошибку, нашед в послании Пушкина к Гнедичу совершенно иной смысл, смысл неприличный даже? Не знаю, как Плетнев не поправил тебя. Послание адресовано к Гнедичу: как же бы Пушкин мог сказать кому другому “ты проклял нас”?» (XIV, 97).

Письмо с таким же возражением Шевырев отправил немного ранее Плетневу, издателю гоголевской книги: «Как мог он <Гоголь> так истолковать послание Пушкина к Гнедичу! Толкование даже неприличное, если вникнуть во все послание»⁴. Плетнев 24 марта 1847 года отвечал Шевыреву: «То, что вы считаете за послание Пушкина к Гнедичу (как и я иногда думал), писано к государю. Раз, во время балу в Аничковом дворце, он долго не выходил, остановившись над Илиадой, которая попалась ему на глаза и которую он стал тут читать. При вступлении его заметили на его лице выражение серьезное. Это видел и Пушкин, который, возвратясь домой, и написал:

“С Гомером долго ты беседовал один” и проч.

Прочтите до конца: вам теперь будет понятно каждое слово. А прежде, когда я вместо государя воображал Гнедича, не мог растолковать себе, к чему говорится тут о пляске и проч. Этот рассказ в Гоголевой книге Никитенко вычеркнул»⁵.

Много лет спустя, в декабре 1887 года, А. А. Фет писал поэту Константину Романову (К. Р.): «В глубине души я вынужден признать, что, невзирая на верноподданнические убеждения, я не был бы так предан памяти Императора Николая, если бы не знал его глубокого сочувствия всем свободным искусствам вообще, сочувствия, так ярко выставленного Пушкиным стихом: “С Гомером долго ты беседовал один”»⁶.

Сам Гоголь 27 апреля (н. ст.) 1847 года, отвечая Шевыреву, приложил к своему письму исключенный Никитенко отрывок («...прилагаю тебе здесь непропущенный листок, служащий ответом на твой запрос о стихотворении Пушкина») и сообщил: «Слух о том, что это стихотворение Гнедичу, распустил я. С моих слов повторили это “Отечественные Записки”» (XIV, 244).

Говоря об «Отечественных Записках», Гоголь имел в виду появившуюся в 1843 году в третьей статье критического цикла Белинского «Сочинения Александра Пушкина» перепечатку пушкинского стихотворения, с пояснением критика: «...Пушкин высоко ценил перевод Гнедича. Вот <...> стихотворение Пушкина, свидетельствующее о его уважении к труду и имени переводчика “Илиады”: “С Гомером долго ты

беседовал один...»⁷. В 1844 году, в пятой статье того же цикла, Белинский еще раз писал: «В IX-й том изданных по смерти его сочинений вошли некоторые из старых, не попавших по недосмотру в первые тома, и некоторые из новых произведений, которых автор не хотел печатать, а некоторые и из действительно последних его произведений. Во всяком случае лучшие из них <...> “К Гнедичу” (“С Гомером долго ты беседовал один”)...»⁸. (Еще ранее, в августовском номере «Отечественных Записок» за 1841 год (т. е. еще до приезда Гоголя в Россию из-за границы осенью 1841 года), Белинский также упоминал о пушкинском стихотворении, назвав его «К Г***»⁹, — очевидно, уже тогда подразумевая, что оно адресовано Гнедичу.)

Таким образом, согласно гоголевскому указанию, «слухом» о стихотворении «К Н***», которым пользовался Белинский в своих статьях о Пушкине, были сведения, подтвержденные самим Гоголем.

Наиболее вероятным периодом, когда Белинский мог узнать мнение Гоголя по поводу пушкинского послания, является начало 1842 года, когда критик и писатель по крайней мере дважды встречались в Москве. Во время тогдашнего непродолжительного пребывания Белинского в московском доме В. П. Боткина Гоголь просил критика исполнить для него роль курьера — доставить в Петербург князю В. Ф. Одоевскому рукопись «Мертвых душ». После первой встречи с Белинским Гоголь написал письма к А. О. Смирновой, к императору Николаю I (послания не сохранились) и к Одоевскому, после чего вновь встретился с критиком (вероятно, посетив его вместе с М. С. Щепкиным) — и передал ему эти письма и рукопись поэмы.

Именно в период пребывания в Москве в начале января 1842 года Белинский готовился писать упомянутый цикл статей о Пушкине и, возможно, сам обратился тогда к Гоголю за уточнением, кому адресовано стихотворение поэта, впервые напечатанное в 1841 году в девятом томе сочинений Пушкина под названием «К Н***». Думается, никакого особого «умысла» Гоголь, «распуская» свой «слух», не имел. К таким выражениям в позднейшем письме к Шевыреву он прибегнул, вероятно,

лишь для того, чтобы лишний раз не напоминать москвичам о своих встречах с Белинским. В начале 1842 года Гоголь, по-видимому, и сам еще не знал или не подозревал о другом адресате пушкинского стихотворения — и, обсуждая этот вопрос с критиком, лишь подтвердил его догадку, что послание адресовано Гнедичу.

Позднее, в период со второй половины января 1842 по 1846 год, кто-то указал Гоголю на другого адресата «послания» Пушкина — императора Николая I. Сообщенные этим неизвестным сведения Гоголь и пересказал в «Выбранных местах из переписки с друзьями». По всей вероятности, этим неизвестным была близкая к императорской семье бывшая фрейлина Александра Осиповна Смирнова.

Дочь А. О. Смирновой Ольга Николаевна в 1893 году свидетельствовала, что ее мать однажды записала: «Вечер мы провели очаровательный, но немного грустный, потому что когда собираешься уезжать, всегда задаешь¹⁰ себе вопрос: когда-то свидимся? (Речь идет об отъезде А. О. Смирновой с мужем в Берлин в апреле-мае 1835 года¹¹. — И. В.) <...> Пушкин, вынув из кармана бумажку, сказал мне: “Отгадайте, что здесь заключается? <...> Это список поэм и стихотворений, которые эта прекрасная особа (имеется в виду сама Смирнова. — И. В.) давала читать Государю <...> Здесь <...> и стихи Н., когда Государь читал Илиаду перед балом. Этот последний факт я рассказал Гоголю, который записал его, так он был им поражен”»¹².

Свидетельство о том, что Гоголь узнал эту историю от самого Пушкина (что могло бы произойти до отъезда Гоголя за границу в июне 1836 года), очевидно, недостоверно. Ибо писатель вплоть до начала 1842 года считал стихотворение «С Гомером долго ты беседовал один...» адресованным исключительно Гнедичу. О том, что стихи «К Н***» посвящены императору Николаю I, он, по-видимому, услышал не от Пушкина, а от самой А. О. Смирновой — что произошло несколькими годами позже. Как и во многих других случаях, О. Н. Смирнова, передавая воспоминания матери, допустила очевидную ошибку, сделав автором рассказа Гоголю об обстоятельствах этого события самого Пушкина. Гоголь же, сообщая

о «происхожденьи» «оды императору Николаю», отнюдь не говорит о том, что узнал эту историю от Пушкина. Он явно намекает на другое лицо: «Был вечер в Аничковом дворце, один из тех вечеров, к которым, как известно, приглашались одни избранные из нашего общества» (VI, 43). Вероятно, одним из «избранных» лиц, приглашенных на вечер во дворец, и была А. О. Смирнова. Добавим, что записки своей матери О. Н. Смирнова присылала для публикации в журнале «Северный Вестник» на французском языке, а потому якобы пушкинскую фразу: «J'ai raconté le fait à Gogol qui l'a inscrit, il en a été si impressionné»¹³ («Этот последний факт я рассказал Гоголю, который записал его, так он был им поражен»), — вполне можно интерпретировать и как вставную, пояснительную фразу самой Смирновой — и в таком случае перевести так: «Этот последний факт я *рассказала* Гоголю, который записал его, так он был им поражен».

Со Смирновой Гоголь — после встреч с Белинским и до выхода в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» — виделся не раз на протяжении 1842–1844 годов. Ближайшая встреча состоялась в том же 1842 году в Петербурге, куда писатель привез только что отпечатанный первый том «Мертвых душ». Возможно, именно тогда, «по горячим следам», Гоголь, в свою очередь, задал ей вопрос об адресате пушкинского стихотворения.

Поводом для вопроса мог быть не только недавний разговор с Белинским. По приезду в Петербург содержание пушкинского стихотворения неожиданно оказалось созвучным собственным переживаниям Гоголя. Позднее А. О. Смирнова в своих мемуарах трижды упоминала о том, что в конце мая — начале июня 1842 года Гоголь испытал острое огорчение, когда увидел, что герои «Мертвых душ» вызывают у слушателей лишь смех и «отвращение». В своем альбоме 1854 года Смирнова записала: «Весною 42 года Гоголь приехал в Петербург и остановился у Плетнева <...> Высокий христианин в душе, он знал, что образец наш, Христос Спаситель, не смеялся никогда. Потому легко понять, что произошло в нем, когда он увидел, что Чичиков, Собакевичи, Ноздревы производят лишь смех с отвращением...»¹⁴. В том же 1854 году П. А. Кулиш, со слов Смирновой, сообщал, что от «смеха, возбужденного чтением “Мертвых Душ”», Гоголю «делалось

грустно»¹⁵. Много лет спустя, 2 октября (н. ст.) 1877 года, Смирнова в письме к И. С. Аксакову еще раз замечала: «...легко представить, что произошло в его душе, когда он увидел, что Чичиков, Манилов, Собакевич и Ноздрев возбуждают лишь смех или отвращение. “Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всяк полюбит”, задумал он уже тогда»¹⁶. (Анекдот о «черненьких» и «беленьких» — художественно пересказанный во втором томе «Мертвых душ», Гоголь слышал в 1842 году в Москве от Щепкина.)

Вероятно, огорчение Гоголя, которое он испытал при чтении в доме Смирновой первого тома «Мертвых душ», было сродни тому, которое он пережил прежде, в 1836 году, от первой постановки «Ревизора» (разрешенного, как известно, к представлению и печати государем). По-видимому, именно в этот период — незадолго до отъезда Гоголя из Петербурга 5 июня 1842 года — Смирнова на примере пушкинского стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один...» и рассказала Гоголю о христианском, исполненном «высшей милости», отношении императора Николая I к своим подданным — указав одновременно на адресата этого послания. — По-видимому, тогда же в записной книжке Гоголя 1842–1845 годов¹⁷ появилась заметка: «...а на деле выходит так. Соединяя в лице <своем> званье верховного хранителя и блюстителя Церкви, <...> Государь у нас <1 нрзб.> стремится к свету. И если только он вполне христианин, <...> ничего не может произвести он худого, ибо Сам Дух Божий двинет его повеленья<ми>» (IX, 680).

(Нельзя, конечно, исключать и того, что разговор Гоголя со Смирновой о пушкинском стихотворении состоялся позднее, — возможно, в период наиболее тесного их общения в Риме в конце января — начале февраля (н. ст.) 1843 года. По воспоминаниям Г. П. Галагана, весной 1843 года в Риме Гоголь, провожая его в Россию, тоже говорил о «примирении с людьми», какими бы «дурными» они ни казались¹⁸.)

С гоголевскими впечатлениями, испытанными при авторском чтении поэмы у Смирновой, по-видимому, во многом и связано особое восприятие Гоголем пушкинского стихотворения. Несомненно, главный смысл этого послания заключался для него в строках заключительной строфы: «Нет! ты

не проклял нас. Ты любишь с высоты...». «Полюбить весь миллион как одного человека, — писал Гоголь в статье “О лиризме наших поэтов”, — трудней, чем полюбить немногих из этого миллиона <...> Власть государя являенье бессмысленное, если он не почувствует, что должен быть образом Божиим на земле. <...> Как Он небесно царствовал! <...> Как даже и тогда, когда вопли нечестия и грехов достигали самих небес, не спешил наказаньем, но умел сказать: “Дай сойду Сам на землю и рассмотрю, точно ли так велика неправда!” <Быт. 18, 20–21>» (VI, 577–578). По словам Гоголя, «Пушкина остановило <...> высшее значение <...> власти <...> снисходить с вышины ко всему и внимать всему, начиная от грома небес и лиры поэта до незаметных увеселений наших» (VI, 44–45).

Из сделанных наблюдений следует один важный вывод. Очевидно, что, работая над продолжением «Мертвых душ» — решая важные для себя духовные вопросы, Гоголь отнюдь не был расположен к обману — в какой бы то ни было форме. Если писатель был убежден, что послание «К Н***» было адресовано императору, то это было его искреннее убеждение. Вполне доверяя Смирновой (а оснований не доверять ей у Гоголя не было), писатель нашел в этом стихотворении созвучные его взглядам представления о роли и значении монарха в современном обществе — «верховодца верховного согласия» (VI, 43), «полномощная власть» которого «не только не упадет, но возрастет выше по мере того, как возрастет выше образование всего человечества» (VI, 577). Как известно из воспоминаний архимандрита Феодора (Бухарева), явление царя должно было стать финалом «Мертвых душ» — его «участием» должно было завершиться «оживление» Чичикова¹⁹.

Итак, главным основанием называть стихотворение «К Н****» «одой императору Николаю» послужило Гоголю свидетельство Смирновой. Но очевидно, что ее сообщение писатель поверял и собственным восприятием пушкинского произведения. В статье «О лиризме наших поэтов» он уже от своего имени утверждает, что стихотворение Пушкина — не просто ода, но «величественная ода». Почти в то же время он работает над созданием «Учебной книги словесности для русского юношества» (1845), в которой, в свою очередь, определяет жанр оды

как «величественнейшее, полнейшее и стройнейшее из всех поэтических созданий»: «Ее предметом может послужить только одно высокое: ибо одно высокое может только внушить душе то лирическое, торжественное настроение души, какое для нее нужно и без какого не произвести оды поэту, как бы велик он ни был. Посему и предмет од или сам источник всего — Бог или то, что слишком близко высотой чувств своих к Божественному» (VI, 326).

Из этого определения становится очевидным, что пушкинское произведение уже своим «предметом», своей библейской «высотой» [11, 110–115] выходит за рамки послания к «другу-стихотворцу» — оно как бы «само по себе» приобретает тот «царский» смысл, который увидел в нем Гоголь. Кстати сказать, к такому пониманию Гоголя подводил сам Пушкин своими неоднократными уподоблениями поэта царю: «Ты царь: живи один...» («Поэту», 1830); «А стихотворец... с кем же равен он? / Он Тамерлан иль сам Наполеон» («Домик в Коломне», 1830); «Я памятник себе воздвиг нерукотворный <...> / Вознесся выше он главою непокорной / Александрийского столпа» (1836). Имея в виду последние строки, Гоголь замечал, что Пушкин, «который был слишком горд <...> независимостью своих мнений» — который вполне ощущал «свое личное преимущество <...> перед многими из венценосцев», тем не менее обнаружил в этих стихах понимание «всей малости званья своего перед званием венценосца» — а также чувство благоговения «перед теми из них, которые показали миру величество своего званья» (VI, 45).

Признание некой равновеликости пред Богом поэта и царя — и приоритета «звания венценосца»–Божьего Помазанника перед званием поэта — естественно раздвигает рамки пушкинских стихов «К Н***» — как дружеского послания — до масштабов оды, так что соотношение «пиитического» и царского здесь определенно склоняется в пользу последнего. Именно этой многозначностью художественного образа объясняется то, почему «поэт и царь» так тесно «переплелись» в этом пушкинском произведении (хотя бы в качестве его вероятных адресатов), и то, почему акцент с Гнедича — поэта-«пророка» — неожиданно переместился

в нем, — вероятно, уже при самом его создании, — на вдохновенного царя-Боговидца.

Эту неоднозначность образного мышления необходимо самым тщательным образом учитывать при анализе пушкинского стихотворения. «Привязывая», хотя бы на основании данных автографа, то или иное художественное произведение к конкретному адресату — в данном случае к Гнедичу, — не следует упускать из виду этой принципиальной особенности подлинной поэзии — способности совмещать в себе конкретную реальность с миром высоких «прообразовательных» значений. Примером такого глубокого, «полифоничного» восприятия поэзии может служить сам Гоголь, который, зная об обоих адресатах пушкинского послания, предпочел житейскому содержанию более высокий — ментальный смысл, который действительно превращает это стихотворение в «величественную оду». Словом, суть дела заключается не столько в адресате, сколько в том универсальном значении, которое содержат в себе пушкинские строки. Кому бы ни было посвящено послание Пушкина «К Н***» — и как бы ни была искажена действительная история его создания (если предположить, что А. О. Смирнова не вполне точна в своих воспоминаниях), оно в любом случае несет в себе тот смысл, который не только слепо пересказал, но и глубоко прочувствовал в нем Гоголь.

Примечания

- ¹ Сочинения Александра Пушкина: в 11 т. СПб.: Тип. И. Глазунова и К^о, 1841. Т. 9. С. 159.
- ² Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. / сост., подготовка текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. VI: Выбранные места из переписки с друзьями. С. 43–44. Далее, за исключением оговоренных случаев, ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и страницы в круглых скобках.
- ³ Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями Николая Гоголя. СПб.: Тип. Департамента внѣшней торговли, 1847. С. 74.
- ⁴ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т.: научно-критическое издание / И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Т. 2. С. 100.
- ⁵ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 1. С. 695.

- ⁶ К. Р. Избранная переписка. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 261.
- ⁷ <Белинский В. Г.> Сочинения Александра Пушкина. Санктпетербургъ. Одиннадцать томовъ... Статья третья // Отечественныя Записки. 1843. Т. 30. № 10. Отд. 5. С. 82; Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С. 255–256.
- ⁸ <Белинский В. Г.> Сочинения Александра Пушкина... Статья пятая // Отечественныя Записки. 1844. Т. 32. № 2. Отд. 5. С. 81; Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7. С. 355.
- ⁹ <Белинский В. Г.> Сочинения Александра Пушкина. Томы IX, X и XI // Отечественныя Записки. 1841. Т. 17. № 8 (цензурное разрешение 31 июля). Отд. 6. С. 35; [4, 461]; Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 5. С. 268, 811.
- ¹⁰ *Исправлено. В источнике было: задает*
- ¹¹ Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. Т. 3. С. 267; Мѣсяцословъ и общій штагъ Россійской Имперіи на 1836: в 2 ч. СПб.: Имп. Академія наукъ, <1836>. Ч. 1. С. 404–405; [6, 595].
- ¹² <Смирнова О. Н.> Записки А. О. Смирновой. (Из записных книжек 1826–1845 гг.) // Сѣверный Вѣстникъ. 1894. № 8. С. 201.
- ¹³ <Smirnoff Olga> Extraits des carnets de souvenirs d'Alexandrine Smirnoff née de Rosset de 1826 a 1845 // Сѣверный Вѣстникъ. 1894. № 8. С. 213.
- ¹⁴ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 2. С. 229.
- ¹⁵ Там же. С. 217–218.
- ¹⁶ Там же. С. 251.
- ¹⁷ Датировка записной книжки уточнена.
- ¹⁸ Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Т. 3. С. 71–72.
- ¹⁹ Там же. С. 708.

Список литературы

1. Бельчиков Н. Ф. Пушкин и Гнедич. История послания 1832 г. // Пушкин. Сборник 1 / Пушкинская комиссия Общества любителей российской словесности; ред. Н. К. Пиксанова. — М.: Госиздат, 1924. — С. 179–213.
2. Вацура В. Э. Поэтический манифест Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. — Л.: Наука, 1991. — Т. 14. — С. 17–29.
3. Воропаев В. А. Поэт и Царь. Об адресате стихотворения Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...» // Университетский пушкинский сборник. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — С. 170–176.
4. Воропаев В. А. Поэт и Царь. Об адресате стихотворения А. С. Пушкина «С Гомером долго ты беседовал один...» // Вестник славянских культур. — 2009. — № 1. — С. 75–79.

5. Есипов В. «С Гомером долго ты беседовал один...». Опыт текстологического исследования // Пушкинский сборник. — М.: Три квадрата, 2005. — С. 259–273.
6. Житомирская С. В. А. О. Смирнова-Россет и ее мемуарное наследие // Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. — М.: Наука, 1989. — С. 579–631.
7. Кибальник С. А. Почему Гоголь «открыл тайну» пушкинского стихотворения «С Гомером долго ты беседовал один...»? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. — 2009. — № 8. — С. 19–29.
8. Лернер Н. О. Примечания // Пушкин. <Собр. соч.> / Библиотека великих писателей под ред. проф. С. А. Венгерова. — Пг.: Издание Брокгауз-Ефрон, 1915. — Т. 6. — С. 461–464.
9. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. — М.: Слово, 1999. — Т. 1: 1799–1824 / сост. М. А. Цявловский. — 592 с.; Т. 2: 1825–1828 / сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. — 544 с.; Т. 3: 1829–1832 / сост. Н. А. Тархова. — 624 с.; Т. 4: 1833–1837 / сост. Н. А. Тархова. — 752 с.
10. Мейлах Б. С. «С Гомером долго ты беседовал один...» // Стихотворения Пушкина 1820–1830-х годов. История создания и идейно-художественная проблематика. — Л.: Наука, 1974. — С. 213–221.
11. Мельник В. И. Стихотворение А. С. Пушкина «К Гнедичу». (Проблемы смысла и комментария) // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. — Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. — Вып. 19. — С. 110–115.
12. Саводник В. Ф. Заметки о Пушкине // Русский архив. — 1904. — № 5. — С. 135–163.

Igor A. Vinogradov

*A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)*

info@imli.ru

“THE MAJESTIC ODE”.

GOGOL ABOUT PUSHKIN’S POEM “TO N****”

Abstract. A careful study of the author’s manuscripts, new discoveries, always contribute to a better understanding of the classical heritage. However, it happens sometimes that a success of the authors’ textual researches enables them to make their conclusions more acute and assertive. This substantially concerns the history of the study of Pushkin’s poem, published under the title “To N****” after the poet’s death (“You spent a long time talking to Homer face to face...”). Who was an addressee of “Iliad” — the translator Nikolai Gnedich or Emperor Nicholas I? Gogol insisted that Pushkin’s poem had a sublime, “educative” sense. Thanks to the latest findings of the textual critics they have managed to find more evidence of “gnedich” origins. Who is right? It turns

out that the truth resides somewhere in the middle, and that hypercriticism in studying Pushkin's poetry, as in many other areas, may pose a challenge to understanding the complex nature of the phenomenon under study. The article studied in detail the problem of destinées and genre affiliation of Pushkin's poem, traced the history of provenance of Gogol's two different statements about this literary work.

Keywords: biography, art work, world outlook, interpretation, textual criticism, genre, spiritual heritage

References

1. Bel'chikov N. F. Pushkin i Gnedich. Istoriya poslaniya 1832 g. [Pushkin and Gnedich. History of Poetic Messages of 1832]. *Pushkin. Sbornik 1 [Pushkin. Collection 1]*. Moscow, Gosizdat Publ., 1924, pp. 179–213.
2. Vatsuro V. E. Poeticheskiy manifest Pushkina [Pushkin's Poetic Manifesto]. *Pushkin. Issledovaniya i materialy [Pushkin. Researches and Materials]*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, vol. 14, pp. 17–29.
3. Voropaev V. A. Poet i Tsar'. Ob adresate stikhotvoreniya Pushkina «S Gomerom dolgo ty besedoval odin...» [Poet and King. On the Destinee of Pushkin's Poem "You Spent a Long Time Talking to Homer Face to Face..."]. *Universitetskiy pushkinskiy sbornik [University Pushkin Digest]*. Moscow, Moscow State University Publ., 1999, pp. 170–176.
4. Voropaev V. A. Poet i Tsar'. Ob adresate stikhotvoreniya A. S. Pushkina «S Gomerom dolgo ty besedoval odin...» [Poet and King. On the Destinee of Pushkin's Poem "You Spent a Long Time Talking to Homer Face to Face..."]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*, 2009, no. 1, pp. 75–79.
5. Esipov V. «S Gomerom dolgo ty besedoval odin...» Opyt tekstologicheskogo issledovaniya ["You Spent a Long Time Talking to Homer Face to Face...". Textual Research Experience]. *Pushkinskiy sbornik [Pushkin Digest]*. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2005, pp. 259–273.
6. Zhitomirskaya S. V. A. O. Smirnova-Rosset i ee memuarное nasledie [A. O. Smirnova-Rosset and Her Memoir Heritage]. *Smirnova-Rosset A. O. Dnevnik. Vospominaniya [Smirnova-Rosset A. O. A Diary. Memoirs]*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 579–631.
7. Kibal'nik S. A. Pochemu Gogol' «otkryl taynu» pushkinskogo stikhotvoreniya «S Gomerom dolgo ty besedoval odin...»? [Why did Gogol "Reveal the Secret" of Pushkin's Poem "You Spent a Long Time Talking to Homer Face to Face..."?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Science Journal of Volgograd State University. Series 8: Literary Studies. Journalism]*, 2009, no. 8, pp. 19–29.
8. Lerner H. O. Primechaniya [Notes]. *Pushkin. <Sobranie sochineniy> [Pushkin. Collected Works]*. Petrograd, Brokgauz-Efron Publ., 1915, vol. 6, pp. 461–464.

9. *Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: v 4 tomakh* [*Chronicles the Life and Work of Alexander Pushkin: in 4 Vols*]. Moscow, Slovo Publ., 1999, vol. 1: 1799–1824. 592 p.; vol. 2: 1825–1828. 544 p.; vol. 3: 1829–1832. 624 p.; vol. 4: 1833–1837. 752 p.
10. Meylakh B. S. «S Gomerom dolgo ty besedoval odin...» [“You Spent a Long Time Talking to Homer Face to Face...”]. *Stikhotvoreniya Pushkina 1820—1830-kh godov. Istoriya sozdaniya i ideyno-khudozhestvennaya problematika* [*Pushkin's Poems of 1820s–1830s. The History of Creation and the Ideological and Artistic Range of Problems*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 213–221.
11. Mel'nik V. I. Stikhotvorenie A. S. Pushkina «K Gnedichu». (Problemy smysla i kommentariya) [Pushkin's Poem “To Gnedich”. (Problems of Meaning and Comments)]. *Filologicheskie zapiski. Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaniya* [*Philological Notes. Bulletin of Literary Studies and Linguistics*]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2003, issue 19, pp. 110–115.
12. Savodnik V. F. Zametki o Pushkine [Notes on Pushkin]. *Russkiy arkhiv* [*Russian Archive*], 1904, no. 5, pp. 135–163.

Дата поступления в редакцию: 15.07.2016